

система образования во многих вузах очень отделилась от тех изначальных целей, ради которых эти учебные заведения были созданы. Я имею в виду открытие непрофильных специальностей. Получалось, что в профильном вузе обучалось химиков-технологов 30%, а все остальные – юристы, менеджеры и так далее. И укрупнение в системе образования было вызвано этими проблемами. У нас такой ситуации не наблюдается. Поскольку мы и в восьмидесятые, и в девяностые, и в двухтысячные готовили только артистов балета, педагогов-хореографов. У нас никаких ответвлений и «ухода» учебного заведения в другую сторону не было. И еще один момент, который почему-то не очень озвучивается. И есть у меня подозрение, что Валерий Абисалович (Гергиев. – «НИ») не очень понимает, когда нам предъявляет претензии к качеству обучения. У нас замкнутая система как была, так и есть. Сюда приходят преподавать только те люди, которые отработали 20 лет в Мариинском театре. Никаких других педагогов здесь нет и в помине. Поэтому когда говорят, что плохо учат, то кто учит? Учат сами артисты Мариинского театра, которые прошли эту школу, отработали и пришли сюда преподавать следующему поколению. Поэтому непонятно, какие могут быть претензии к качеству и в чем разрыв между обучением и театром? Конечно, как работодатель Мариинский театр сейчас оказывается в очень сложных условиях в силу того, что грянула рыночная экономика. Если раньше дети однозначно должны были идти в Мариинский театр, то сегодня такого нет, поскольку ребенок сам может выбирать, куда он пойдет работать. А он пойдет туда, где ему предложат лучшие условия, где он сможет реализоваться и в финансовом, и в творческом плане.

– И что сейчас выбирают выпускники?

– К сожалению, в последние годы наблюдается ситуация очень тяжелая. Лучшие ученики, которых академия выпускает, приходят в Мариинский театр, а потом «главно катапультируются» или в Большой, или в Михайловский, или в Немировича-Данченко, или уезжают за границу. Но это не проблема академии. Понимаете, мы на своем уровне сделали все, что могли: мы стали вузом, за последние десять лет мы добились того, что артисты балета у нас выпускаются не с уровнем образования ПТУ, а с бакалаврским образованием. Мы детей всячески защитили с социальной точки зрения. И торжественно их передаем работодателю. И первый человек, который приходит отбирать выпускников, – это руководитель балетной труппы Мариинского театра. Он первый забирает лучших.

– В этом смысле академия и так весьма тесно связана с Мариинкой...

– Конечно. Мы же куда не делись. А это объединение не несет в себе никакого конструктива. Оно не решает никаких специфических проблем, которые могут возникать.

– А что вы можете возразить по поводу того, что поток звезд иссякает?

– Надо понимать, что это «штучный товар». И это не пустые слова. Мы 60 детей принимаем, 20–25 выпускаются в конце обучения, через девять лет. Из этих 25 один-два в лучшем случае станут звездами, раскрученными балеринами или танцовщиками. Остальные будут просто работать в театре. И так всегда было. Это не сейчас началось, это вообще специфика профессии. Далеко не каждый человек может состояться, даже обладая всеми способностями, потому что есть масса дополнительных условий, которые не связаны с учебным заведением.

– То есть в объединении в Мариинским театром пользы для академии нет никакой?

– Нет. Так же, как в объединении с Российским институтом истории искусств. Это тоже бессмысленная затея, хотя Валерий Абисалович указывает на то, что институт даст дополнительный научный потенциал. Но он нам не нужен, потому что у нас есть свой научный